



Майн Рид

Квартеронка

Перевод с английского
Валентины Курелла,
Елизаветы Шишмаревой

ФТМ



Томас Майн Рид

Квартеронка

«ФТМ»

1856

Майн Рид Т.

Квартеронка / Т. Майн Рид — «ФТМ», 1856

ISBN 978-5-4467-2655-4

«Отец вод! Я славлю твой могучий бег. Подобно индусу на берегах священной реки, склоняю я пред тобою колена и возношу тебе хвалу! Но как несходны чувства, которые нас одушевляют! Индусу воды желтого Ганга внушают благоговейный трепет, олицетворяя для него неведомое и страшное грядущее, во мне же твои золотистые волны будят светлые воспоминания и связуют мое настоящее с прошлым, когда я изведал столько счастья. Да, великая река! Я славлю тебя за то, что ты дала мне в прошлом. И сердце замирает от радости, когда при мне произносят твое имя!...»

ISBN 978-5-4467-2655-4

© Майн Рид Т., 1856

© ФТМ, 1856

Содержание

Глава I	5
Глава II	8
Глава III	11
Глава IV	13
Глава V	15
Глава VI	17
Глава VII	19
Глава VIII	21
Глава IX	23
Глава X	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Майн Рид

Квартеронка

Читатель!

Перед тобой роман, и ничего более.

Не считай автора книги его героем.

Глава I

Отец вод

Отец вод! Я славлю твой могучий бег. Подобно индусу на берегах священной реки, склоняю я пред тобою колена и возношу тебе хвалу!

Но как несходны чувства, которые нас одушевляют! Индусу воды желтого Ганга внушают благоговейный трепет, олицетворяя для него неведомое и страшное грядущее, во мне же твои золотистые волны будят светлые воспоминания и связуют мое настоящее с прошлым, когда я изведаль столько счастья. Да, великая река! Я славлю тебя за то, что ты дала мне в прошлом. И сердце замирает от радости, когда при мне произносят твоё имя!

Отец вод, как хорошо я знаю тебя! У твоих истоков я шутя перескакивал через тоненькую струйку, ибо в стране тысячи озер, на вершине *Hauteur de terre*, ты бежишь крохотным ручейком. На лоно вскормившего тебя голубого озера спустил я берестяной челн и отдался на волю плавному течению, устремившему меня на юг.

Я плыл мимо берегов, где на лугах зреет дикий рис, где белая береза отражает в зеркале твоих вод свой серебристый стан и тени могучих елей купают в твоей глади свои остроконечные вершины. Я видел, как индеец чипева рассекал твои хрустальные струи в легком каноэ, как лось-великан стоял в твоей прохладной воде и стройная лань мелькала среди прибрежной травы. Я внимал музыке твоих берегов – крику ко-ко-ви, гоготу ва-ва – гуся, трубному гласу большого северного лебедя. Да, великая река, даже в далеком северном крае, на твоей суровой родине, поклонялся я тебе!

* * *

Всё вперед и вперед плыву я, пересекая один за другим градусы широты и климатические пояса.

И вот я стою на твоём берегу, там, где ты прыгаешь по скалам и зовешься водопадом святого Антония и бурным, стремительным потоком прокладываешь себе дорогу на юг. Как изменились твои берега! Хвойные деревья исчезли, и ты нарядился в яркий, но недолговечный убор. Дубы, вязы и клены сплетают шатром свою листву и простирают над тобой могучие руки. Хотя леса твои по-прежнему тянутся без конца и края, девственной природе приходит конец. Взор с радостью встречает приметы цивилизации, слух жадно ловит ее звуки. Среди поваленных деревьев стоит бревенчатая хижина, живописная в своей грубой простоте, а из темной чащи леса доносится стук топора. Над поверженными исполинами гордо качаются шелковистые листья кукурузы, и золотые ее султаны сулят богатый урожай. Из-за зеленых крон деревьев вдруг выглянет церковный шпиль, и молитва возносится к небу, сливаясь с рокотом твоих волн.

Я снова спускаю челн на твои стремительные волны и с ликующим сердцем плыву вперед и вперед, на юг. Я проплываю теснины, где ты с ревом пробиваешь себе путь, и восхи-

щенно всматриваюсь в причудливые скалы, которые то отвесной стеной поднимаются ввысь, то расступаются и мягкими изгибами вырисовываются на синеве небес. Я смотрю на нависшую над водой скалу, прозванную «Наядой», и на высокий утес, на округлой вершине которого в далекие годы солдат-путешественник разбивал свою палатку.

Я скольжу по зеркальной поверхности озера Пепин, любясь его зубчатыми, похожими на крепостную стену берегами.

С волнением гляжу я на дикий утес «Прыжок любви», чьи обрывистые склоны часто отвечали эхом на веселые песни беззаботных путешественников, а однажды эхо повторило скорбный напев – предсмертную песнь Веноны, красавицы Веноны, которая ради любви пожертвовала жизнью.

* * *

Вперед несется мой челн, туда, где безграничные прерии Запада подступают к самой реке, и взор мой с радостью скользит по их вечнозеленым просторам.

Я замедляю ход своего челна, чтобы посмотреть на всадника с разрисованным лицом, скачущего вдоль твоего берега на диком коне, и полюбоваться на гибких дакотских девушек, купающихся в твоих хрустальных струях, а затем – снова вперед, мимо «Скалистого карниза», мимо богатых рудами берегов Галены и Дюбюка и воздушной могилы смелого рудокопа.

Вот я достиг того места, где бурный Миссури яростно бросается на тебя, как будто хочет повлечь за собою по своему пути. С утлого суденышка я слежу за вашим поединком. Жестокая короткая схватка, но ты побеждаешь, и отныне твой укрощенный соперник вынужден платить тебе золотую дань, вливаясь в твое могучее русло, и ты величественно катишь свои воды вперед.

* * *

Твои победоносные волны несут меня все южнее. Я вижу высокие зеленые курганы – единственный памятник древнего племени, некогда обитавшего на твоих берегах. Но сейчас передо мной встают поселения другого народа. Сверкающие на солнце колокольни и купола вздымают в небо острые свои шпили, дворцы стоят на твоих берегах, а другие, плавучие, дворцы качаются на твоих волнах. Впереди виден большой город.

Но я не задерживаюсь здесь. Меня манит солнечный юг, и, вновь доверившись твоему течению, я плыву дальше.

Вот широкое, как море, устье Огайо и устье другого крупнейшего твоего притока, знаменитой реки равнин.

Как изменились твои берега! Ни нависших скал, ни отвесных утесов. Ты прорвался сквозь сковавшие тебя горные цепи и теперь широко и свободно прокладываешь себе путь через собственные наносы. Ты сам в минуту буйного разгула создал свои берега и можешь прорвать их, когда тебе вздумается. Теперь леса вновь окаймляют тебя – леса исполинов: раскидистые платаны, высокие тюльпанные деревья, желто-зеленые тополя поднимаются уступами от самой воды. Леса стоят на твоих берегах, и на своей широкой груди ты несешь остовы мертвых деревьев.

* * *

Я проношусь мимо последнего твоего большого притока, пурпурные воды которого лишь слегка окрашивают твои волны. Плыву вниз по твоей дельте, вдоль берегов, прославленных страданиями Де Сото¹ и смелыми подвигами Ибервиля² и Ла Салля³.

Тут душу мою охватывает беспредельное восхищение. Лишь человек с каменным сердцем, бесчувственный ко всему прекрасному, способен взирать на тебя здесь, в этих южных широтах, не испытывая священного восторга.

Сказочные картины, сменяя одна другую, как в панораме, разворачиваются передо мной. Нет на земле пейзажа прекраснее. Ни Рейн с его замками на скалах, ни берега древнего Средиземного моря, ни острова Вест-Индии – ничто не может сравниться с тобой. Ни в одной части света нет такой природы, нигде мягкое очарование не сочетается столь гармонично с дикой красотой. Однако взор не встречает здесь ни скал, ни даже холмов; лишь темные кипарисовые чащи, опушенные серебристыми мхами, служат фоном картине, и они не уступают в величавости гранитным утесам.

Лес уже не подходит вплотную к твоим берегам. Его давно свалил топор поселенца, и на смену ему пришли золотистый сахарный тростник, белоснежный хлопок и серебристый рис. Лес отступил назад и теперь лишь издали украшает картину. Я вижу тропические деревья с широкими блестящими листьями – пальмы сабаль, аноны, водолюбивую ниссу, катальпу с крупными трубчатыми цветами, душистый стиракс и магнолию с ее восковыми лепестками. С листвой этих прекрасных туземок смешивают свою листву и сотни чудесных пришельцев: апельсин, лимон и фиговое дерево, индийская сирень и тамаринд, оливы, мирты и бромелии, а поникшие ветви вавилонской ивы составляют разительный контраст с прямыми стеблями гигантского сахарного тростника и копьевидными листьями высокой юкки.

Окруженные этой пышной растительностью, стоят виллы и роскошные усадьбы самой разнообразной архитектуры, столь же разнообразной, как и национальность населяющих их людей. Да, разнообразной, ибо на твоих берегах живут люди самых различных наций, и все они принесли тебе свою дань, украсив тебя дарами славной всемирной цивилизации.

Прощай, отец вод!

* * *

Хоть я не родился под этим благодатным южным небом, но провел здесь долгие годы и люблю эту страну даже больше, чем свою родину. Здесь прожил я дни светлой юности, возмужал и провел бурные годы зрелости, и воспоминания об этих годах, полных неувядаемой романтики, никогда не изгладятся из моей памяти. Здесь мое юное сердце впервые познало Любовь – первую, чистую любовь. Неудивительно, что страна эта всегда будет окружена для меня немеркнущим сиянием.

Читатель, выслушай историю этой любви!

¹ Де Сото Эрнандо (1500–1542) – испанский исследователь, которому приписывается открытие Миссисипи в 1541 году.

² Ибервиль Пьер (1661–1706) – французский исследователь Северной Америки, основавший в 1698 году французскую колонию Луизиану.

³ Ла Салль Рене Робер Кавелье (1643–1687) – французский путешественник, первым проплывший по Миссисипи до самого устья.

Глава II

Шесть месяцев в Новом Орлеане

Как многие юнцы, вырвавшиеся из колледжа, я тяготился жизнью в отчем доме. Мной овладела жажда путешествий; я мечтал увидеть мир, знакомый мне пока только по книгам.

Вскоре мне удалось осуществить мою мечту. Без всякого сожаления смотрел я, как холмы моей родины скрываются за темными волнами, не тревожась о том, увижу ли я их когда-нибудь снова.

Хоть я и вышел из стен классического колледжа, я не чувствовал никакой склонности к классическим знаниям.

За десять лет, проведенных над напыщенными гиперболами Гомера, однообразными стихами Вергилия и скучными нескромностями Горация Флакка, я не проникся тем восхищением перед классической литературой, какое испытывают – или притворяются, что испытывают, – почтенные ученые с очками на носу.

Я не создан, чтобы жить в мире отвлеченных идей или в мечтаниях о прошлом. Я люблю окружающую меня реальную жизнь. Пускай дон-кихоты разыгрывают трубадуров среди развалин старинных замков, а жеманные барышни посещают места, воспетые в путеводителях. Что до меня, то я равнодушен к романтике прошлого. В современном Вильгельме Телле я вижу лишь наемника, готового продать силу своих мускулов любому тирану, а живописный лаццарони, при ближайшем знакомстве, представляется мне обыкновенным мелким воришкой. Глядя на разрушающиеся стены Афин и развалины Рима, я замечаю лишь бесприютность и голод. Я не любитель живописной нищеты. Меня не трогают романтические лохмотья.

А между тем именно жажда романтических приключений заставила меня покинуть родной дом. Меня увлекало все яркое и необыкновенное, ибо я был в том возрасте, когда человек больше всего влюблен в романтику. Да я и сейчас не изменился. Теперь я старше годами, но час разочарования для меня еще не наступил и, думаю, никогда не наступит. В жизни много романтического – это не иллюзия. Романтика живет не в светских гостиных с их нелепыми обычаями и глупыми церемониями; она не носит блестящих мундиров и сторонится безвкусных придворных празднеств. Звезды, ордена и титулы ей чужды. Пурпур и позолота убивают ее.

Романтику надо искать в других местах – среди великой и могучей природы, хотя и не только там. Ее можно найти среди полей и дубрав, среди скал и озер, так же как и на людных улицах больших городов. Ибо родина ее в человеческих сердцах – сердцах, которые охвачены высокими стремлениями и бьются в груди у людей, жаждущих Свободы и Любви.

Итак, я устремился не к старым классическим берегам, а в более молодые и полнокровные страны. В поисках романтики я отправился на запад. И я нашел ее и упивался ею под ярким небом Луизианы.

* * *

В январе 18.. года я ступил на землю Нового Света, на землю, политую английской кровью. Любезный шкипер, который перевез нас через Атлантический океан, доставил меня на берег в своей шлюпке. Я стремился осмотреть места, где происходили последние исторические сражения; в ту пору я увлекался военной историей. Но мне хотелось осмотреть поле боя в Новом Орлеане не из простого любопытства. Я придерживался мнения, считавшегося в то время еретическим, что мирные люди, вынужденные взяться за оружие, сражаются в иных случаях не хуже наемников-профессионалов и что длительная военная муштровка не служит непременным залогом победы. История войн при поверхностном изучении как будто опровер-

гает это мнение; оно противоречит также и свидетельствам военных. Однако свидетельства профессионалов не имеют большого значения в этом вопросе. Разве можно найти хоть одного военного, который не старался бы выставить свое искусство в самом героическом свете? Кроме того, властители мира не жалели сил, чтобы ввести свои народы в заблуждение. Надо же им было найти какое-то оправдание для той чудовищной обузы, какой для нас является «регулярная армия».

Мое желание увидеть поле боя на берегах Миссисипи⁴ имело прямое отношение к интересовавшему меня вопросу. Эта военная операция служила веским доводом в мою пользу, ибо на этом месте шесть тысяч человек, никогда не слышавших команды: «Напра...во!», победили, разбили наголову и, можно сказать, почти стерли с лица земли прекрасную вооруженную и обученную армию, вдвое превосходившую их числом.

После того как я побывал на месте этой битвы, мне довелось и самому участвовать во многих боях. И теорию, которую я в то время отстаивал, я впоследствии проверил на опыте. Вера в военную муштру – это заблуждение, а сила регулярной армии – иллюзия.

* * *

Через час я уже бродил по улицам Нового Орлеана, не думая больше о войне.

Мысли мои приняли другое направление. Передо мной, словно в панораме, развертывалась кипучая жизнь Нового Света во всей ее свежести и многообразии, и, вопреки принятому мною решению *nil admirari* – ничему не удивляться, – я невольно с удивлением озирался вокруг.

Одной из первых неожиданностей, поразивших меня, можно сказать, еще на пороге моей жизни за океаном, было открытие, что я ни на что не годен. Я мог сослаться на свой аттестат и сказать: «Вот доказательство моей учености – я удостоен высшей награды в колледже». Но на что он мог мне пригодиться? Те отвлеченные науки, которым меня учили, не имели никакого применения в реальной жизни. Моя логика была просто болтовней попугая. Моя классическая ученость лишь загромождала мою память. И я был так же плохо подготовлен к жизненной борьбе, к труду на благо своему ближнему и самому себе, как если бы изучал китайские иероглифы.

А вы, бездарные учителя, пичкавшие меня синтаксисом и стихосложением, – вы, конечно, назвали бы меня неблагодарным, если бы я высказал вам все возмущение и презрение, которое охватило меня, когда я оглянулся назад и убедился, что десять лет жизни, проведенных под вашей опекой, пропали для меня даром, что я глубоко заблуждался, воображая себя образованным человеком, а на самом деле ровно ничего не знаю.

* * *

Итак, с некоторым запасом денег в кармане и очень небольшим запасом знаний в голове я бродил по улицам Нового Орлеана, удивленно озираясь вокруг.

Но вот прошло полгода, а я ходил по тем же улицам уже почти без денег в кармане, но зато изрядно пополнив запас своих знаний. За эти шесть месяцев я приобрел значительно больший жизненный опыт, чем за последние шесть лет моей жизни.

Этот опыт обошелся мне недешево. Взятые мною в дорогу деньги быстро исчезли в водовороте ресторанов, театров, маскарадов и «квартеронских балов». Немалую долю я оставил

⁴ 8 января 1815 года, уже после подписания Гентского договора, завершившего англо-американскую войну 1812–1814 годов, у Нового Орлеана произошло сражение, в котором малочисленная и плохо организованная американская армия нанесла поражение регулярным английским войскам.

и в том банке, который называется «фараоном» и не выплачивает вкладчикам ни капитала, ни процентов.

Я даже боялся подсчитать все мои расходы. Но в конце концов я пересилил себя и подвел итог. Оказалось, что после оплаты счета в гостинице у меня остается ровно двадцать пять долларов! На двадцать пять долларов я должен был жить, пока напишу домой и получу ответ, то есть не меньше трех месяцев, – ведь это было в ту пору, когда еще не знали больших океанских пароходов.

Полгода я храбро грешил. Теперь я был полон раскаяния и хотел исправиться. Я даже охотно поступил бы на службу. Но вся моя школьная премудрость, которая не помогла мне сберечь кошелек, была теперь бессильна пополнить его вновь. Во всем этом кипучем городе я не мог найти занятия, к которому был бы пригоден.

Без друзей, приунывший, немного пресыщенный и довольно сильно обеспокоенный своим ближайшим будущим, я слонялся по улицам. С каждым днем у меня оставалось все меньше знакомых. Я не встречал их больше в увеселительных заведениях, где они обычно собирались. Куда же они пропали?

В их исчезновении не было ничего таинственного. Наступила середина июня, стояла изнурительная жара, и с каждым днем ртуть в градуснике поднималась все выше. Температура доходила до 100 градусов по Фаренгейту. Через неделю-другую можно было ожидать ежегодного, хотя и нежеланного, гостя, по прозвищу «Желтый Джек», которого одинаково боялись и старый и малый. Страх перед желтой лихорадкой выгонял все высшее общество из Нового Орлеана, и оно, подобно перелетным птицам, устремлялось на север.

Я не храбрее других. У меня не было никакого желания познакомиться с этим страшным болотным дьяволом, и я считал, что мне тоже лучше убраться подальше-поздорову. Для этого стоило только сесть на пароход и отправиться вверх по течению, в один из городов, куда не проникает тропическая малярия.

В то время одним из самых привлекательных северных городов считался Сент-Луис, и я надумал отправиться туда, хотя и не имел представления, на что буду там существовать, так как моих средств хватало ровно на дорогу.

Сказав себе, однако, что из двух зол надо выбирать меньшее, я твердо решил ехать в Сент-Луис. Итак, я собрал свои пожитки и поднялся на борт парохода «Красавица Запада», отходившего в далекий «Город на холмах».

Глава III «Красавица запада»

В назначенное время я был на борту парохода. Но оказалось, что, понадеявшись на аккуратность здешних пароходов, я пришел слишком рано, чуть ли не за два часа до отплытия.

Однако я не даром потратил время – я провел его с пользой, изучая своеобразное строение судна, на которое взошел. Я сказал «своеобразное», ибо пароходы, плавающие по Миссисипи и ее притокам, совершенно не похожи на пароходы других стран и даже на те, что плавают по рекам Восточных штатов.

Это чисто речные пароходы, они не могут выходить в открытое море, хотя некоторые из них и осмеливаются плавать вдоль тexasского берега от Мобила до Галвестона.

Корпус у них построен так же, как и у морских судов, но значительно отличается глубиной трюма. У этих судов такая мелкая осадка, что остается очень мало места для груза, а палуба поднимается всего на несколько дюймов над ватерлинией. Когда же судно тяжело загружено, вода доходит до самого фальшборта. Машинное отделение находится на нижней палубе; там же установлены и большие чугунные паровые котлы с широкими топками, так как эти суда ходят на дровах. Там же из-за тесноты трюма размещают и большую часть груза; по всей палубе вокруг машин и котлов навалены кипы хлопка, бочки с табаком и мешки с зерном. Таков груз на судне, идущем вниз по течению. На обратном пути пароход везет уже другие товары: ящики с различной утварью, сельскохозяйственные орудия, модную галантерею, доставленную на пароходах из Бостона, кофе в кулях из Вест-Индии, рис, сахар, апельсины и другие продукты тропических стран.

На корме отведено место для беднейшей части путешественников, так называемых «палубных пассажиров». Здесь вы никогда не увидите американцев. Некоторые пассажиры – ирландские поденщики, другие – бедные немецкие эмигранты, направляющиеся на отдаленный Северо-Запад, а в основном – негры, иногда свободные, а чаще всего рабы.

Чтобы покончить с описанием корпуса, скажу еще, что постройка судна с такой мелкой осадкой очень разумна. Это делается для того, чтобы оно могло идти по мелководью, весьма обычному на этой реке, особенно в периоды засухи. Вот почему чем меньше осадка, тем лучше. Один капитан на Миссисипи, хвастаясь своим судном, уверял, что, если выпадет сильная роса, он берется провести его даже через прерии.

Если у парохода на Миссисипи лишь очень небольшая часть скрыта под водой, то можно сказать обратное о его надводной части. Представьте себе двухэтажный дощатый дом длиной около двухсот футов, выкрашенный в ослепительно белый цвет; представьте вдоль второго этажа ряд окошек с зелеными переплетами, или, вернее, дверей, открывающихся на узкий балкон; представьте себе плоскую или полукруглую крышу, покрытую просмоленным брезентом, а на ней ряд люков для верхнего света, словно стекла в парнике; представьте себе два огромных черных цилиндра из листового железа, каждый десяти футов в диаметре и чуть ли не ста футов высотой, возвышающихся, как башни, – это дымовые трубы парохода; сбоку – цилиндр поменьше, или труба для выпуска пара, а впереди, на самом носу корабля, длинный флагшток с развевающимся звездным флагом, – представьте себе все это, и вы будете иметь некоторое понятие о том, что такое пароход на Миссисипи.

Войдите внутрь – и в первую минуту вас поразит неожиданное зрелище. Вы увидите роскошный салон длиной около ста футов, украшенный богатыми коврами и красиво обставленный. Вы отметите изящество обстановки, дорогие кресла, диваны, столы и кушетки; красоту расписанных и отделанных позолотой стен; хрустальные люстры, спускающиеся с потолка; по обеим сторонам салона десятки дверей, ведущих в отдельные каюты, и громадные раздвиж-

ные двери из цветного или узорчатого стекла, за которыми находится запретное святилище – дамский салон. Короче говоря, вы увидите вокруг богатство и роскошь, к которым вы совершенно не привыкли, путешествуя по Европе. Вы только читали о подобной обстановке в какой-нибудь волшебной сказке или в «Тысяча и одной ночи».

И все это великолепие порой находится в досадном противоречии с поведением того общества, которое тут расположилось, ибо в этом роскошном салоне встречаются грубые невежи наравне с изысканными джентльменами. Вы можете с удивлением увидеть сапог из свиной кожи, положенный на столик красного дерева, или черный от никотина плевок, измазавший узор на дорогом ковре. Но это случается редко, и теперь – еще реже, чем в описанные мною дни.

* * *

Осмотрев внутреннее помещение «Красавицы Запада», я вышел на палубу. Здесь, на носу корабля, было оставлено свободное пространство, обычно называемое тентом, – прекрасное место для отдыха мужской части пассажиров. Верхняя палуба, на которой расположены каюты, выдается тут вперед; ее поддерживают колонки, опирающиеся на нижнюю палубу. Крышей ей служит штормовой мостик, выдвинутый вперед, как и палуба, и укрепленный на тонких деревянных стойках; он защищает эту площадку от солнца и дождя, а небольшие перила делают ее совершенно безопасной. Спереди и с боков она открыта, что дает возможность пассажирам осматривать окрестности, а легкий ветерок во время хода судна навевает прохладу; вот почему тент – излюбленное место пассажиров. Для их удобства здесь стоят кресла и разрешается курить.

Только человек, совсем равнодушный к кипучей жизни толпы, отказался бы понаблюдать за ней час-другой на набережной Нового Орлеана. Усевшись в кресло и закулив сигару, я решил посвятить некоторое время этому интересному занятию.

Глава IV

Пароходы-соперники

Та часть набережной, которая была у меня перед глазами, именовалась «портом». Штук двадцать или тридцать судов стояло у деревянных причалов. Некоторые пароходы только что пришли с верховьев реки и выгружали свои товары и пассажиров, очень немногочисленных в это время года. Другие, осаждаемые суетящейся толпой, разводили пары, тогда как остальные, казалось, были покинуты своими экипажами и капитанами, которые, наверно, в это время веселились в шумных ресторанах и кабаках. Изредка показывался франтоватый конторщик в синих хлопчатобумажных брюках, белом полотняном пиджаке, дорогой панаме, в батистовой рубашке с пышным жабо и брильянтовыми запонками. Такой расфранченный джентльмен появлялся на несколько минут у одного из опустевших судов, вероятно, чтобы заключить какую-нибудь сделку, и спешил обратно в город, где его ждали более интересные занятия.

Особое оживление на берегу было заметно против двух крупных пароходов. Один из них был тот, на котором я собирался отплыть. Второй, как я прочел на штурвальной рубке, назывался «Магнолия». Это судно также готовилось к отплытию, о чем говорили суета на палубе, яркий огонь в топках и клубы вырывающегося со свистом пара.

На набережной разгружали последние подводы; пассажиры, боясь опоздать, спешили с шляпными картонками в руках; по сходням тащили ящики, сундуки, тюки, катили бочки; конторщики, вооружившись блокнотами и карандашами, считали и записывали груз; все это свидетельствовало о скором отплытии парохода. Совершенно такая же сцена происходила и перед «Красавицей Запада».

Поглядев на эти приготовления, я вскоре заметил, что между командами пароходов происходит что-то не совсем обычное. Суда стояли у соседних причалов, и матросы, слегка повысив голос, могли переговариваться между собой, что они сейчас и делали. По некоторым долетевшим до меня фразам и презрительному тону, каким они были сказаны, я понял, что «Магнолия» и «Красавица Запада» были пароходами-соперниками. Вскоре я услышал, что они должны отчалить почти одновременно и собираются устроить гонки.

Я знал, что так называемые «первоклассные» пароходы нередко вступают здесь в подобные состязания, а «Магнолия» и ее соперница относились к этой категории. Оба были пароходами «высшего класса» и по величине и по богатству отделки; оба совершали одинаковые рейсы от Нового Орлеана до Сент-Луиса; наконец, обоими командовали опытные и популярные речные капитаны. Все это неизбежно делало их соперниками, и чувства эти разделяли обе команды, от капитана до слуги-невольника.

Что касается судовладельцев и капитанов, то их соперничество основано на расчете. Победившее судно завоевывает себе популярность среди публики. «Самый быстроходный» пароход становится и самым модным, и хозяин может быть уверен, что списки его пассажиров будут всегда заполнены, несмотря на высокую плату за проезд, ибо у американца есть такая слабость: он готов истратить последний доллар, лишь бы потом говорить, что путешествовал на самом фешенебельном пароходе, так же как в Англии многие любят кстати и некстати упоминать о том, что они путешествовали в «первом классе». Тщеславие свойственно не одной какой-нибудь нации, это явление повсеместное.

Предстоящие гонки между «Красавицей Запада» и «Магнолией» разожгли дух соперничества не только среди команд этих судов, – возбуждение передалось и пассажирам. Кажется, многие из них так же увлекаются этими гонками, как англичане скачками. Некоторых, без сомнения, привлекал спортивный азарт, но скоро я заметил, что большинство держит денежные пари.

– «Красавица» должна победить! – кричал за моей спиной какой-то детина с золотыми запонками. – Ставлю двадцать долларов на «Красавицу»! Хотите пари, незнакомец?

– Нет, не хочу, – ответил я довольно сердито, так как он позволил себе бесцеремонно положить руку мне на плечо.

– Что ж, как хотите! – ответил он. – Ваше дело. – И, обращаясь к другому, закричал: – «Красавица» победит, ставлю двадцать долларов! Двадцать долларов на «Красавицу»!

Сознаюсь, в ту минуту я предавался довольно грустным размышлениям. Я первый раз пускался в плавание на американском пароходе, и мне вспомнились многочисленные рассказы про взорвавшиеся котлы, пробоины в корпусах и судовые пожары. Я слышал, что гонки нередко приводят к подобным катастрофам, и у меня были основания верить этим рассказам.

Некоторые из пассажиров, наиболее трезвые и рассудительные, разделяли мои опасения; кое-кто даже говорил, что надо попросить капитана не разрешать гонок. Однако они знали, что останутся в меньшинстве, и ничего не предпринимали.

Больше из любопытства, чем из боязни, я все же решил пойти к капитану и спросить, каковы его намерения. Оставив свое место под тентом, я спустился по сходням и поднялся на набережную, где находился капитан.

Глава V

Прелестная попутчица

Не успел я заговорить с капитаном, как заметил приближающуюся к пристани карету, выехавшую, по-видимому, из французского квартала города. Это был красивый экипаж, которым правил хорошо одетый плотный кучер-негр; когда экипаж подкатил поближе, я увидел, что в нем сидит молодая изящная дама.

Не знаю почему, но у меня появилось предчувствие, а может быть, и тайное желание, чтоб эта незнакомка оказалась моей попутчицей. Вскоре я узнал, что она и вправду хочет ехать на нашем пароходе.

Карета подкатила к берегу, и я увидел, как дама обратилась с вопросом к одному из стоявших поблизости пассажиров, а тот указал ей на нашего капитана. Догадавшись, что речь идет о нем, капитан подошел к экипажу и поклонился. Я стоял тут же, рядом, и слышал каждое слово.

– Мсье, вы капитан «Красавицы Запада»? – спросила дама по-французски.

Капитан немного знал этот язык, так как постоянно общался с креолами.

– Да, мадам, – ответил он.

– Я хотела бы уехать на вашем пароходе.

– Я буду счастлив служить вам, мадам... Мистер Ширли, у нас найдется свободная каюта? – обратился он к подошедшему стюарду.

– Это не важно, – сказала дама, прерывая его. – Мне каюта не нужна. Вы дойдете до моих плантаций еще до полуночи, и я не собираюсь спать на пароходе.

Слова «мои плантации», по-видимому, произвели впечатление на капитана. Человек вообще не грубый, он стал еще более любезным и внимательным. Владелец плантаций в Луизиане такое лицо, с которым нельзя обращаться небрежно, тем более, если это молодая и очаровательная дама. Кто мог быть с нею неучтивым! Во всяком случае, не капитан Б., командир парохода «Красавица Запада». Самое название его судна опровергало подобное предположение.

Вежливо улыбаясь, он спросил, куда должен доставить столь драгоценный груз.

– В Бринджерс, – ответила дама. – Мое поместье расположено немного ниже по течению, но там неудобная пристань, а у меня много груза, так что мне лучше высадиться в Бринджерсе.

И владелица кареты указала на вереницу груженных ящиками и бочками подвод, которые только что подъехали и остановились позади ее экипажа.

Вид этого груза произвел еще более благоприятное впечатление на капитана, который был частично и собственником судна. Он стал рассыпаться в любезностях перед своей новой пассажиркой и выразил готовность выполнить все, что она пожелает.

– Мсье капитан, – сказала прекрасная дама приветливым, но серьезным тоном, все еще не выходя из кареты, – я должна поставить вам одно неременное условие.

– Пожалуйста. Скажите, какое?

– Вот какое. Я слышала, что ваш пароход собирается устроить гонки с другим судном. Если это правда, я не могу быть вашим пассажиром.

У капитана вытянулось лицо.

– Однажды во время гонок я едва не погибла и твердо решила не подвергать себя больше такой опасности.

– Сударыня... – начал капитан и замялся.

– Ну что ж! – воскликнула дама. – Если вы не можете поручиться, что не устроите гонок, я подожду другого парохода.

Капитан стоял несколько секунд, опустив голову. Он, видимо, колебался. Принять условие – значило отказаться от предвкушаемого удовольствия и азарта гонки, от победы, на которую он рассчитывал, и от выгод, которые она ему сулила. Вдобавок все решат, что он не надеется на скорость своего судна и боится, что будет побежден, а это даст сопернику возможность всюду хвастаться и уронит капитана в глазах команды и пассажиров, – все они уже слышали о предстоящих гонках. С другой стороны, как отказаться исполнить просьбу этой дамы, по правде говоря, далеко не безрассудную, а если вспомнить, что ей принадлежит большое количество груза, то даже очень благоразумную, тем более что дама – богатая владелица плантации на «французском берегу» и может осенью послать с его пароходом несколько сот бочек сахара и столько же тюков табака, когда он пойдет в Новый Орлеан. Все эти соображения, как я уже сказал, весьма подкрепляли просьбу дамы. Я думаю, что по зрелом размышлении капитан Б. пришел именно к такому выводу, ибо после минутного колебания обещал исполнить эту просьбу, хотя и без большой охоты. Решение это, видимо, стоило ему некоторой борьбы, но все же расчет победил, и он сказал:

– Я принимаю ваше условие, сударыня. Судно не будет участвовать в гонках. Даю вам слово!

– Довольно! Благодарю вас! Я вам очень обязана, господин капитан. Будьте добры принять на судно мой груз. Карету я тоже беру с собой. Вот мой управляющий... Подите сюда, Антуан!.. Он присмотрит за всем. А теперь скажите, пожалуйста, капитан, когда вы думаете отчалить?

– Минут через пятнадцать, не больше.

– Вы в этом уверены, капитан? – спросила она с лукавой улыбкой, показывающей, что ей известно, с какой точностью ходят здешние пароходы.

– Совершенно уверен, мадам, – ответил капитан, – вы можете на это положиться.

– Тогда я не буду мешкать.

Сказав это, она легко соскочила с подножки кареты и, опершись на руку, любезно предложенную капитаном, прошла с ним на пароход; он проводил ее в дамский салон, где она и скрылась от восхищенных взглядов, не только моих, но и других пассажиров.

Глава VI

Управляющий Антуан

Я был очень заинтересован появлением этой дамы. Меня не столько поразила ее красота, хотя она была замечательно красива, сколько что-то в ее манерах и осанке. Мне трудно передать свое впечатление, но в ее обращении сквозила какая-то прямота, говорившая о самообладании и смелости. В ее поведении не было ничего вызывающего, но чувствовалось, что это беспечное создание, веселое, как летний день, способно, если понадобится, проявить редкую силу воли и мужество. Эту женщину назвали бы красавицей в любой стране. С красотой у нее сочеталось изящество манер и одежды, говорившее о том, что она привыкла бывать в светском обществе. К тому же она казалась очень молодой – ей было не больше двадцати лет. Хотя в Луизиане климат и способствует раннему созреванию, и креолка в двадцать лет часто выглядит, как англичанка на десять лет старше ее.

Замужем ли она? Мне казалось это маловероятным; к тому же она вряд ли сказала бы «моя плантация» и «мой управляющий», будь у нее дома кто-то близкий, разве что она его очень мало уважала – вернее, даже если бы этот «кто-то» был для нее просто «никто». Она могла бы быть вдовой, очень молоденькой вдовой, но и это казалось мне маловероятным. На мой взгляд, она совсем не походила на вдову, и не было никаких признаков траура ни в ее одежде, ни в выражении лица. Капитан, правда, называл ее «мадам», но он, очевидно, незнаком с ней, так же как и с французскими обычаями, иначе в таком неясном случае он назвал бы ее «мадемуазель».

Хотя я был в ту пору еще незрелым, «зеленым» юнцом, как говорят американцы, я все же относился к женщинам с некоторым интересом, особенно если находил их красивыми. В данном случае мое любопытство объяснялось многими причинами. Во-первых, дама была на редкость привлекательна; во-вторых, меня заинтересовали ее манера говорить и те факты, которые я узнал из ее беседы с капитаном; в-третьих, если я не ошибался, она была креолкой.

Мне еще очень мало приходилось общаться с этими своеобразными людьми и хотелось узнать их поближе. Я слышал, что они не расположены раскрывать свои двери перед заезжими англосаксами, особенно старая «креольская знать», которая и поныне считает своих англо-американских сограждан чем-то вроде захватчиков и узурпаторов. Такая неприязнь укоренилась с давних времен. В наши дни она постепенно отмирает. Четвертой причиной, подстегнувшей мое любопытство, был брошенный на меня дамой пристальный взгляд, в котором светилось больше, чем простое внимание.

Не спешите осудить меня за эту догадку. Сначала послушайте меня. Я ни одной минуты не воображал, будто в этом взгляде сквозило восхищение. Мне это и в голову не приходило! Я был слишком молод в то время, чтобы тешить себя такими выдумками. К тому же я находился в самом плачевном положении. Оставшись с пятью долларами в кармане, я чувствовал себя очень неважно. Мог ли я воображать, что такая блестящая красавица, звезда первой величины, богатая владелица плантации, управляющего и толпы рабов, снизойдет до меня и станет заглядываться на такого бесприютного бродягу, как я?

Говорю истинную правду: я не обольщал себя подобными надеждами. Я решил, что с ее стороны это простое любопытство и больше ничего.

Она заметила, что я иностранец. Моя наружность, светлые глаза, покрой одежды, быть может, какая-то неловкость в моих манерах подсказали ей, что я чужой в этой стране, и возбудили в ней минутный интерес, самый невинный интерес к иностранцу, вот и все.

Однако ее взгляд еще больше разжег мое любопытство, и мне захотелось узнать хотя бы имя этого необыкновенного создания.

«Разужнаю у ее управляющего», – подумал я и направился к нему.

Это был высокий, худощавый седой француз, хорошо одетый и такой почтенный с виду, что его можно было принять за отца молодой дамы. Он держался с большим достоинством, что свидетельствовало о его долгой службе в знатной семье. Подойдя к нему, я понял, что у меня очень мало надежды на успех. Он был непроницаем, как рак-отшельник. Наш разговор был очень короткий, его ответы односложны.

– Мсье, разрешите спросить, кто ваша хозяйка?

– Дама.

– Совершенно верно. Это сказал бы всякий, кто имел удовольствие видеть ее. Но я спрашиваю, как ее имя.

– Вам незачем знать его.

– Конечно, если у вас есть причина держать его в тайне.

– Черт возьми!

Этими словами, которые он пробормотал про себя, закончился наш разговор, и старый слуга отвернулся, наверно называя меня в душе «назойливым янки».

Затем я обратился к черному кучеру, но и тут потерпел неудачу. Он вводил своих лошадей на пароход и, не желая мне отвечать, ловко увертывался от моих вопросов, бегая вокруг лошадей и притворяясь, что поглощен своим делом. Я не сумел выведать у него даже имя его госпожи и отошел совсем обескураженный.

Однако скоро случай помог мне узнать ее имя. Я вернулся на пароход и, снова усевшись под тентом, принялся наблюдать за матросами, которые, засучив рукава своих красных рубах и обнажив мускулистые руки, перетаскивали груз на судно. Это был тот самый груз, который только что прибыл на подводах, принадлежащих незнакомой даме. Он состоял главным образом из бочек со свининой и мукой, большого количества копченых окороков и кулей с кофе.

«Припасы для ее большого поместья», – подумал я.

В это время на сходни стали вносить груз совсем иного вида: кожаные чемоданы, портпледы, шкатулки из розового дерева, шляпные картонки и т. д.

«Ага, вот ее личный багаж», – решил я, продолжая дымить сигарой. Следя за погрузкой этих вещей, я случайно заметил какую-то надпись на большом кожаном саквояже. Я вскочил с кресла и подошел поближе. Взглянув на надпись, я прочел:

«Мадемуазель Эжени Безансон».

Глава VII

Отплытие

Последний удар колокола... Члены клуба «Не можем уехать»⁵ устремляются с парохода на берег, сходни втаскивают, кому-то из зазевавшихся провожающих приходится прыгать на берег, чалы втягивают на борт и свертывают в бухты, в машинном отделении дребезжит звонок, громадные колеса крутятся, сбивая в пену бурюю воду, пар свистит и клокочет в котлах и равномерно пытит, вырываясь из трубы для выпуска пара, соседние суда покачиваются, стучаются друг о друга, ломая кранцы, их сходни трещат и скрипят, а матросы громко переругиваются. Несколько минут продолжается это столпотворение, и наконец могучее судно выходит на широкий простор реки.

Пароход берет курс на север; несколько ударов вращающихся плиц – и течение побеждено: гордый корабль, подчиняясь силе машин, быстро рассекает волны и движется вперед, словно живое существо.

Бывает иногда, что пушечный выстрел возвещает о его отплытии; порой его провожают в дорогу звуки духового оркестра; но чаще всего с парохода раздается живая мелодия старой матросской песни, исполняемой хором грубых, но стройных голосов его команды.

Лафайет и Карролтон скоро остаются позади; крыши невысоких домов и складов скрываются за горизонтом, и только купол храма святого Карла, церковные шпили да башни большого собора еще долго виднеются вдалеке. Но и они постепенно исчезают, а плавучий дворец плавно и величаво движется меж живописных берегов Миссисипи. Я сказал – живописных, но этот эпитет меня не удовлетворяет, хоть я и не могу подобрать другого, чтобы передать мое впечатление. Мне следовало бы сказать «величественных и прекрасных», чтобы выразить свое восхищение этими берегами. Я смело могу назвать их самыми красивыми на свете.

Я не смотрел на них холодным взором равнодушного наблюдателя. Я не умею отделять пейзаж от жизни людей – не только далекой жизни прошлых поколений, но и наших современников. Я смотрел на развалины замков на Рейне, и их история вызывала во мне отвращение к прошлому. Я смотрел на построенные там новые дома и их жителей и снова чувствовал отвращение, теперь уже к настоящему. В Неаполитанском заливе я испытал то же чувство, а когда бродил за оградой парков, принадлежащих английским лордам, я видел вокруг лишь нищету и горе, и красота их казалась мне обманом.

Только здесь, на берегах этой величественной реки, я увидел изобилие, широко распространенное образование и всеобщий достаток. Здесь почти в каждом доме я встречал тонкий вкус, присущий цивилизованным людям, и щедрое гостеприимство. Здесь я мог беседовать с сотнями людей независимых взглядов, людей, свободных не только в политическом смысле, но и не знающих мешанских предрассудков и грубых суеверий. Короче говоря, я мог здесь наблюдать если и не совершенную форму общества – ибо такой она будет лишь в далеком будущем, – то наиболее передовую форму цивилизации, какая в наши дни существует на земле.

Но вот на эту светлую картину ложится густая тень, и сердце мое сжимается от боли. Это тень человека, имевшего несчастье родиться с черной кожей. Он раб!

На минуту все вокруг словно тускнеет. Чем мы можем восхищаться здесь, на этих полях, покрытых золотистым сахарным тростником, султанами кукурузы и белоснежным хлопком? Чем восторгаться в этих прекрасных домах, окруженных оранжереями, среди цветущих садов, тенистых деревьев и тихих беседок? Все это создано потом и кровью рабов!

⁵ В Новом Орлеане существовал в то время клуб, объединяющий людей, которых дела задерживали в городе даже в самое жаркое время года. (Примеч. автора)

Теперь я больше не восхищаюсь. Картина утратила свои яркие краски. Передо мной лишь мрачная пустыня. Я задумываюсь. Но вот постепенно тучи рассеиваются, кругом становится светлей. Я размышляю и сравниваю. Правда, здесь люди с черной кожей – рабы; но они не добровольные рабы, и это, во всяком случае, говорит в их пользу.

В других странах, в том числе и моей, я вижу вокруг таких же рабов, причем их гораздо больше. Рабов не одного человека, но множества людей, целого класса, олигархии. Они не холопы, не крепостные феодала, но жертвы заменивших его в наше время налогов, действие которых столь же пагубно.

Честное слово, я считаю, что рабство луизианских негров менее унижительно, чем положение белых невольников в Англии. Несчастный чернокожий раб был побежден в бою, он заслуживает уважения и может считать, что принадлежит к почетной категории военнопленных. Его сделали рабом насильно. Тогда как ты, бакалейщик, мясник и булочник, – да, пожалуй, и ты, мой чванливый торговец, считающий себя свободным человеком! – все вы стали рабами по доброй воле. Вы поддерживаете политические махинации, которые каждый год отнимают у вас половину дохода, которые каждый год изгоняют из страны сотни тысяч ваших братьев, иначе ваше государство погибнет от застоя крови. И все это вы принимаете безропотно и покорно. Более того, вы всегда готовы кричать «Распни его!» при виде человека, который пытается бороться с этим положением, и прославляете того, кто хочет добавить новое звено к вашим оковам.

И сейчас, когда я пишу эти строки, разве человек, который презирает вас, который в течение сорока лет – всю свою жизнь – был вашим постоянным врагом, не стал вашим самым популярным правителем? Когда я пишу эти строки, яркие фейерверки ослепляют ваши глаза, хлопушки и шутихи услаждают ваш слух, и вы вопите от радости по поводу заключения договора, единственная цель которого – лишь крепче стянуть ваши цепи. А всего год тому назад вы горячо приветствовали войну, которая была так же противна вашим интересам, так же враждебна вашей свободе. Жалкое заблуждение!⁶

И сейчас я с еще большей уверенностью повторяю то, что говорил себе тогда: честное слово, рабство луизианских негров менее унижительно, чем положение белых невольников в Англии!

Правда, здесь черный человек – раб, и три миллиона людей его племени находятся в таком положении. Мучительная мысль! Но горечь ее смягчает сознание, что в этой обширной стране все же живет двадцать миллионов свободных и независимых людей. Три миллиона рабов на двадцать миллионов господ! В моей родной стране как раз обратная пропорция. Быть может, мой вывод неясен, но я надеюсь, что кое-кто поймет его смысл.

* * *

Ах, как приятно оторваться от этих волнующих и горьких мыслей для спокойных размышлений, навеянных природой! Как отрадно мне было отдаться множеству новых впечатлений, наблюдая жизнь на берегах этой величавой реки! Даже теперь я с удовольствием вспоминаю о них; и когда я думаю о далеком прошлом, о местах, которые, быть может, мне никогда уж не придется увидеть, я нахожу утешение в своей верной и ясной памяти, и ее магическая сила вызывает перед моим умственным взором прежние знакомые картины со всеми их живыми красками, со всеми переливами изумруда и золота.

⁶ Автор имеет в виду английского реакционного государственного деятеля Пальмерстона (1784–1865) – в течение долгих лет министра иностранных дел и премьер-министра Англии. Он был проводником колонизаторской политики, вдохновителем многих захватнических войн, в том числе Крымской кампании 1853–1856 годов, закончившейся подписанием 30 марта 1856 года Парижского мира.

Глава VIII

Берега Миссисипи

Как только мы отчалили, я поднялся на штормовой мостик, чтобы лучше видеть места, по которым мы проезжали. Здесь я был один, так как молчаливый рулевой, стоявший в своей стеклянной будке, вряд ли мог сойти за собеседника.

Вероятно, читателю будет интересно узнать, что ширину Миссисипи часто преувеличивают. Здесь она достигает примерно полумили, иногда и больше, случается – и меньше. (Эту среднюю ширину она сохраняет на расстоянии более тысячи миль от своего устья.) Скорость ее течения равна трем-четырем милям в час, вода желтоватая, с чуть красноватым оттенком. Желтую окраску дает ей Миссури, тогда как более темный оттенок появляется после впадения в нее Ред-Ривер – Красной реки.

Поверхность реки густо покрыта плывущим по течению лесом; тут и отдельные деревья и большие скопления вроде плотов. Наскочить на такой плот довольно опасно для парохода, и рулевой старается их обойти. Иногда плывущий под водой ствол ускользает от его взора, и тогда сильный удар в нос судна сотрясает весь корпус, пугая неопытных пассажиров. Но опаснее всего коряги. Это вырванные с корнем деревья, намокшие и отяжелевшие. Их тяжелые корни опускаются на дно и застревают в иле, который крепко держит их на месте. Более легкая вершина с обломанными ветвями всплывает на поверхность, но течение не дает дереву выпрямиться и держит его в наклонном положении. Если вершина выступает из воды, опасность невелика, разве лишь в очень темную ночь. Но если она опустилась на один-два фута под воду, тогда коряга очень страшна. Пароход, идущий над ней против течения, почти наверняка погиб. Корни дерева, прочно засевшие в тине, не дают ему сдвинуться с места, а острые крепкие сучья пробивают обшивку судна, и оно может затонуть буквально в несколько минут. Есть еще так называемый «пильщик»: это дерево, застрявшее на дне подобно коряге, но качающееся вверх и вниз по воле течения и напоминающее движения пильщика за работой – отсюда и его название. Судно, напорывшееся на такое дерево, иногда застревает на его сучьях, а бывает, и разламывается пополам от собственной тяжести.

По течению плыло много предметов, заинтересовавших меня. Стебли сахарного тростника, видимо уже отжатые в давальне (в сотне миль выше по течению я бы их не встретил), листья и початки кукурузы, тыквенные корки, пучки хлопка, доски от забора, иногда труп какого-нибудь животного с сидящим на нем ястребом или летающим вокруг черным стервятником.

Я находился в широтах, где водятся аллигаторы, но здесь эти большие ящеры встречаются редко – они предпочитают болотистые заводи или реки с дикими берегами. В быстром течении Миссисипи и на ее возделанных берегах путешественник редко увидит крокодила.

Пароход приближался то к одному, то к другому берегу. Они тут наносного и сравнительно недавнего происхождения. Это полоса земли шириной от сотни ярдов до нескольких миль, которая постепенно понижается, так что иногда кажется, будто река течет по вершине длинного гребня. Дальше лежит пойма – заболоченная равнина, каждый год затопляемая рекой и состоящая из озер и топей, покрытых осокой и камышом. В некоторых местах эти дикие болота и трясины простираются миль на двадцать, а то и больше. Там, куда весенние воды доходят только во время разлива, равнина покрыта темными, почти непроходимыми лесами. Между обработанной полосой земли вдоль берега и широкой поймой темной стеной тянутся леса, образуя как бы задний план всего пейзажа и заменяя собой горные цепи, характерные для других стран. Эти леса состоят главным образом из гигантских кипарисов. Однако здесь встречаются и другие деревья, распространенные в этих краях, как, например, стираксовое

дерево, виргинский дуб, рожковое дерево, нисса, тополь и многочисленные виды магнолий и дубов. Подлесок из карликовых пальм и разные виды тростника образуют густые заросли, а с ветвей деревьев свешивается длинной бахромой испанский мох – странный паразит, придающий лесу мрачный характер.

Между лесом и рекой лежат обработанные поля. В некоторых местах река течет на несколько футов выше их уровня, но поля защищены дамбой – искусственной насыпью, возведенной на обоих берегах, которая тянется на несколько сот миль от устья.

Тут выращивают сахарный тростник, рис, табак, хлопок, индиго и кукурузу. На полях работают партии черных невольников в полосатых и ярких одеждах, чаще всего голубого цвета. Я вижу большие фургоны, запряженные мулами или быками: они выезжают с полей или медленно двигаются вдоль берега. Вижу, как стройный креол в хлопчатобумажной куртке и ярко-синих штанах скачет верхом на небольшой испанской лошадке по прибрежной дороге. Вон богатая усадьба плантатора, окруженная апельсиновыми рощами, большой дом с зелеными жалюзи, прохладными верандами и красивой оградой. Дальше – огромный сарай для сахарного тростника или навес для табака, или склад для хлопка; а возле них множество чистеньких деревянных хижин, сбившихся в кучу или растянувшихся в ряд, словно купальни на модном курорте.

Теперь мы плывем мимо плантации, куда съехались гости и идет шумное веселье – по видимому, это местный праздник. В тени деревьев стоит много оседланных лошадей, среди них немало под дамскими седлами. На веранде, на лужайке перед домом и в апельсиновой роще гуляют мужчины и дамы в нарядных платьях. Слышится музыка, пары танцуют на открытом воздухе. И я невольно завидую этим счастливым креолам и их беззаботной жизни аркадских пастушков.

* * *

Картины одна другой живописнее проходят у меня перед глазами, разворачиваясь в красочную панораму. Захваченный этим зрелищем, я на время забыл про Эжени Безансон.

Глава IX

Эжени Безансон

Нет, неправда, я не забыл Эжени Безансон. Ее нежный образ не раз мелькал в моем воображении, и я невольно связывал его с местами, мимо которых мы проезжали и где она, наверно, родилась и выросла. А веселый праздник, в котором принимало участие много девушек-креолок, снова напомнил мне о ней, и, спустившись со штормового мостика, я вошел в салон, надеясь опять увидеть заинтересовавшую меня незнакомку.

Однако сначала меня постигло разочарование. Большая стеклянная дверь в дамский салон была закрыта, и хотя в общем салоне было много дам, но среди них не оказалось прелестной креолки. Дамское отделение, расположенное на корме судна, считается святилищем, куда допускаются только те мужчины, у кого там есть знакомые, да и то лишь в определенные часы.

Я не принадлежал к числу таких счастливых. Среди более сотни пассажиров судна я не знал ни одной души – ни мужчины, ни женщины; к счастью или к несчастью, но и меня никто не знал. При таких обстоятельствах мое появление в дамском салоне считалось бы нарушением приличий; поэтому я уселся в общем салоне и принялся наблюдать моих спутников.

Это была очень смешанная публика. Тут собрались богатые торговцы, банкиры, биржевые маклеры и комиссионеры из Нового Орлеана с женами и дочерьми, каждое лето уезжавшие на север, чтобы укрыться от желтой лихорадки и отдаться более приятной эпидемии – жизни на модном курорте. Были и владельцы хлопковых и кукурузных плантаций, расположенных выше по течению реки, возвращавшиеся домой, и мелкие торговцы из северных городов, и плотогоны. В холщовых штанах и красных фланелевых рубашках они сплавляли плоты за две тысячи миль вниз по течению и теперь возвращались обратно, разодетые в новенькие костюмы из черного сукна и белоснежные рубашки. Какими щеголями вернутся они домой, к истокам Солт-Ривер, Камберленда, Ликинга или Майами! Были здесь и креолы, старые виноторговцы из французского квартала, со своими семьями; костюмы их отличались живописностью: пышные жабо, собранные у пояса панталоны, светлые прюнелевые башмаки и массивные драгоценности.

Попадались тут и расфранченные приказчики, которым разрешили покинуть Новый Орлеан на жаркие месяцы, и еще более богато одетые молодые люди, в костюмах из тончайшего сукна, в белоснежных рубашках с кружевными жабо, особенно крупными брильянтами на запонках и толстыми перстнями на пальцах. Это были так называемые «охотники». Они собрались вокруг стола в курительной комнате; один из них вытащил уже из кармана новенькую колоду карт, выдававшую их истинную профессию.

Среди них я заметил и того детину, который так развязно предлагал мне держать пари. Он несколько раз прошел мимо меня, бросая в мою сторону взгляды, которые никак нельзя было назвать дружелюбными.

Наш знакомец управляющий тоже сидел здесь. Не думайте, что должность дворецкого или управляющего лишала его права находиться в салоне первого класса. На американских пароходах нет салона второго класса. Миссисипи – это далекий запад, и тут не знают такого деления.

Надсмотрщики с плантаций обычно – люди грубые, этого требует их профессия. Однако этот француз был явным исключением. Он казался очень почтенным старым господином. Мне нравилась его внешность, и я чувствовал к нему симпатию, хотя он, видимо, не разделял моих чувств.

* * *

Кто-то из присутствующих пожаловался на москитов и попросил открыть дверь в дамский салон. Несколько человек – и дамы и мужчины – поддержали эту просьбу. Это ответственное дело доверялось лишь стюарду. Обратились к нему. Просьба была обоснованна, а потому ее следовало удовлетворить, и вскоре двери в «рай» раскрылись. Легкий сквозной ветерок подул вдоль длинного салона от носа к корме судна; не прошло и пяти минут, как в нем не осталось ни одного москита, кроме тех, что укрылись от сквозняка в каютах. Для пассажиров это было большим облегчением.

Стеклянную дверь разрешили держать открытой, что было приятно для всех, но особенно для кучки расфранченных приказчиков, которые могли теперь беспрепятственно осматривать внутренность «гарема». Многие из них, как я заметил, воспользовались этой возможностью; они не глазели туда открыто, так как это сочли бы дерзостью, но искоса посматривали в святилище или, делая вид, будто читают, бросали туда взгляд поверх книги, или ходили взад и вперед по салону и, приближаясь к запретной границе, как бы невзначай заглядывали внутрь. У некоторых там, видимо, были знакомые, однако не такие близкие, чтобы это давало им право войти; другие были не прочь завязать знакомство, если представится случай. Я перехватил несколько выразительных взглядов, а иногда и ответных улыбок, свидетельствующих о взаимном понимании. Часто нежная мысль передается без слов. Язык порой приносит нам горькое разочарование. Не раз бывал я свидетелем того, как он разрушал совсем уже созревший молчаливый договор двух любящих сердец.

Меня забавляла эта безмолвная пантомима, и я сидел несколько минут, наблюдая ее. Поддавшись общему любопытству, я и сам время от времени невольно заглядывал в дамский салон. Я вообще люблю наблюдать. Все новое интересует меня, а эта жизнь в салоне американского парохода была мне совершенно незнакома и казалась очень занятой. Мне хотелось ближе познакомиться с ней. Быть может, меня интересовало и еще кое-что: я надеялся снова увидеть молодую креолку Эжени Безансон.

Мое желание вскоре исполнилось: я увидел ее. Она вышла из своей каюты и прогуливалась по салону, изящная и оживленная. Теперь на ней не было шляпы; ее густые золотистые волосы были уложены на китайский манер – прическа, принятая и у креолок. Пышные волосы, собранные тяжелым узлом на затылке, оставляли открытыми благородный лоб и стройную шею, что ей очень шло. Белокурые волосы и светлая кожа почти не встречаются у креолов. Обычно волосы у них черные, а кожа смуглая; но Эжени Безансон составляла редкое исключение.

Несмотря на кокетливое, почти легкомысленное выражение ее лица, чувствовалось, что за этой внешностью скрывается сильный характер. Она была прекрасно сложена, а лицо ее хоть и не отличалось классической правильностью черт, однако принадлежало к тем лицам, на которые нельзя смотреть без восхищения.

По-видимому, она знала некоторых своих попутчиц, так как непринужденно разговаривала с ними. Впрочем, женщины быстро сходятся, а француженки – особенно.

Нетрудно было заметить, что говорившие с ней пассажирки относились к ней с уважением. Быть может, они уже узнали, что ей принадлежит изящный экипаж с лошадьми. Весьма возможно!

Я продолжал следить за этой интересной дамой. Я не мог назвать ее девушкой, ибо, несмотря на свою молодость, креолка производила впечатление особы, имеющей жизненный опыт. Держалась она очень свободно и, казалось, могла распоряжаться собой и всем, что ее окружает. «Какой у нее беззаботный вид! – подумал я. – Эта женщина не влюблена!»

Не могу объяснить, что привело меня к такому заключению и отчего оно доставило мне удовольствие, однако это было так. Почему? У нас с ней не было ничего общего. Она стояла настолько выше меня, что я едва осмеливался на нее взглянуть. Я считал ее каким-то высшим существом и лишь изредка бросал на нее робкие взгляды, как смотрел бы на красавицу в церкви. Конечно, у нас с ней не было ничего общего. Через час уже стемнеет, а ночью она сойдет на берег, и я больше никогда ее не увижу. Я буду думать о ней еще час или два, а может, и день, и чем больше буду сидеть и смотреть на нее, как глупец, тем дольше буду думать.

Я сам плел себе сети, зная, что стану вздыхать о ней и после того, как она сойдет на берег.

Тут я решил бежать от этих чар и вернуться к своим наблюдениям на штормовом мостике. Еще один взгляд на прелестную креолку – и я уйду.

В эту минуту она опустилась в кресло, так называемую качалку, и ее движения еще раз подчеркнули красоту и пропорциональность ее сложения. Оказавшись лицом к открытой двери, она в первый раз взглянула в мою сторону. И, клянусь, она опять посмотрела на меня так же, как и в первый раз! Что означал этот странный взгляд, эти горящие глаза? Она не сводила с меня пристального взора, а я не смел отвечать ей тем же.

* * *

С минуту ее глаза были прикованы ко мне и смотрели не отрываясь. Я был слишком молод в ту пору, чтобы понять их выражение. Позже я сумел бы его разгадать, но не тогда.

Наконец она встала со своего места с недовольным видом, словно досадуя не то на себя, не то на меня, круто повернулась и, отворив дверь, вошла в свою каюту.

Мог ли я чем-нибудь оскорбить ее? Нет! Ни словом, ни жестом, ни взглядом! Я не произнес ни звука, даже не пошевелился, и мой застенчивый взор никак нельзя было назвать дерзким.

Я был очень озадачен поведением Эжени Безансон и, в полной уверенности, что никогда больше ее не увижу, поспешил уйти из салона и снова забрался на штормовой мостик.

Глава X

Новый способ поднимать пары

Время близилось к закату; огненный диск опускался за черную стену кипарисов, опоясавшую равнину с запада, и бросал на реку золотистый отблеск. Прогуливаясь взад и вперед по обтянутой брезентом крыше, я смотрел на эту картину, любясь ее сверкающей красотой.

Но вскоре мои мечтания были прерваны. Взглянув на реку, я увидел, что нас догоняет большой пароход. Густой дым, валивший из его высоких труб, и яркий огонь в топках показывали, что он идет на всех парах. Как его размеры, так и громкое пыхтение говорили о том, что это первоклассный пароход. То была «Магнолия». Она шла очень быстро, и вскоре я увидел, что она нас нагоняет. В ту же минуту до меня донесся снизу разноголосый шум. Громкие, сердитые выкрики сливались с шарканьем и топаньем многих ног, бегущих по дощатой палубе. К этой суматохе примешивались и более резкие женские голоса.

Я сразу догадался, что это значит. Переполох был вызван появлением парохода-соперника.

До этого времени о соперничестве пароходов почти забыли. Как команда судна, так и пассажиры уже знали, что капитан не собирается устраивать гонки, и хотя этот «выход из игры» вначале вызвал громкое осуждение, однако постепенно общее недовольство улеглось.

Команда была занята укладкой груза, чочегары – дровами и топками, игроки – картами, а пассажиры – своими чемоданами или свежими газетами. Второй пароход отплыл позже, его потеряли из виду, и мысли о гонке вылетели у всех из головы.

Появление соперника сразу всех взбудоражило. Картежники бросили недосданную колоду карт, надеясь начать более азартную игру; читатели поспешно отложили книги и газеты; пассажиры, рывшиеся в своих чемоданах, быстро захлопнули крышки; а прелестные пассажирки, сидевшие в качалках, вскочили с мест; все выбежали из кают и столпились на корме.

Штормовой мостик, на котором я стоял, был лучшим местом для наблюдения за приближавшимся судном, и вскоре многие пассажиры присоединились ко мне. Но мне захотелось посмотреть, что делается на верхней палубе, и я спустился вниз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.